

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184

Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах

Е.С. Козловская¹, Я. Кобылко², Е.Ю. Медведев³

¹Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 7

²Варшавский университет
Польша, 00-927, Варшава, ул. Krakowskie Przedmieście, 26/28

³Международный университет информационных технологий
Казахстан, 050000, Алматы, ул. Манаса, 34/1

Воздействующая функция публицистического текста реализуется в рамках социальной оценочности, которая опирается на существующие в обществе нормы морали, следовательно, обязательной характеристикой публицистического текста является аксиологичность. Поскольку действующая в обществе мораль, а значит, и общественное сознание, не статичны, они изменяются под воздействием событий, происходящих в политической, экономической, научной, культурной и других сферах человеческой деятельности, можно утверждать, что публицистические тексты отражают состояние общественного сознания определенного общества в определенный исторический период. Цель настоящей работы — рассмотреть влияние социокультурного контекста на структуру публицистических текстов и установить, как это влияние соотносится с изменениями, происходящими в общественном сознании. Материалом исследования послужили современные российские и польские публицистические тексты, взятые из СМИ («Регнум», «Известия», «Коммерсантъ», «РТ», «W polityce», «Newsweek», «dziennik.pl» и др.), российская и польская политическая лексикография (А.А. Мустафин 2012; И.И. Санжаревский 2010; J. Wasiluk, W. Zmarzer 2012 и др.), а также результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в российской и польской аудиториях, в котором участвовало 170 человек. В соответствии с полученными данными были выявлены возможные связи и дальнейшие направления актуализации слов, отступающих от употребления, соответствующего словарным значениям. В результате работы, проведенной при помощи метода контекстуального анализа, было установлено, что внимание к смыслоформирующей функции контекста является методологически необходимым при исследовании публицистических текстов и их переводе на иностранный язык, поскольку именно в контекстуальных значениях понятий фиксируются изменения, происходящие в общественном сознании, под воздействием социокультурного контекста. Это материализуется в том числе в трансформации значений слов: слово может приобретать дополнительные, ранее не свойственные ему коннотации либо дополнительное значение, которое в некоторых случаях полностью замещает значение, зафиксированное в словаре. Полученные результаты могут быть использованы в социолингвистике, в практике лексикографического описания, а также при переводе публицистических текстов.

Ключевые слова: *семантическая структура, публицистический текст, аксиологичность текста, смыслоформирующий контекст, ассоциативный эксперимент*

Sense-Forming Function of Context in Publicistic Texts

Ekaterina Kozlovskaya¹, Jaroslaw Kobylko², Yevgeniy Medvedev³

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya, 117198, Moscow, Russia

²University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście, 00-927, Warsaw, Poland

³International Information Technology University

34/1, Manasa, 050000, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The effect-producing function of publicistic texts is realized within the framework of moral values existing in society; therefore, axiological value is an obligatory characteristic of a publicistic text. Since current moral values in society and public consciousness are not static and change due to events in political, economic, scientific, cultural and other areas of human life, we believe that publicistic texts reflect the condition of mentality of a particular society during a particular historical period. The main goal of this research is to study the impact of the social and cultural context on the semantic structure of publicistic texts and elucidate in what way this influence is relevant to the changes in social consciousness. The material of the study includes current Russian and Polish publicistic texts from mass media sources (“Regnum”, “Izvestia”, “Kommersant”, “PT”, “W polityce”, “Newsweek”, “dziennik.pl”, etc.), as well as Russian and Polish political lexicography (Mustafin 2012; Sanxharevskij 2010; Wasiluk, Zmarzer 2012, etc.), and the results of an associative experiment conducted among 170 Russian and Polish participants. The findings demonstrate possible connections and further tendencies of the actualization of words, which deviate from dictionary meanings. The results of the investigation carried out with the help of contextual analysis also allowed us to conclude that the attention to the sense-forming function of the context is methodologically essential for the study of publicistic texts and their translation into a foreign language because the changes in people’s mentality under the influence of social and cultural contexts are materialized in the contextual meanings. They are also reflected in the transformation of word meanings: a word can acquire additional connotations or meanings which in some cases may fully replace the dictionary meanings. The results of the research can be used in sociolinguistics, lexicography and translation of publicistic texts.

Keywords: *semantic structure, publicistic text, axiological value of a text, sense-forming function, associative experiment*

1. ВВЕДЕНИЕ

К публицистическим относится широкий диапазон текстов, выполняющих следующие функции: «сообщение информации и воздействие на массового адресата» (Стилистический энциклопедический словарь 2006: 58). Массовостью адресата объясняется тематическая разнородность публицистических текстов: поскольку эти тексты должны вызывать интерес как можно большего числа людей, в них рассматривается обширный круг социально значимых вопросов. Социальная направленность предопределяет особенности выполнения воздействующей функции публицистических текстов: влияние на общественное мнение осуществляется посредством социальной оценочности (Там же: 79, также см. Сковородников, Копнина 2012, Laskowska 2004).

Любая система оценок действует в пределах установленной системы координат. Для социальной оценочности такой системой координат является действующая в обществе мораль. Состав этических ценностей, входящих в общественную мораль, предопределяется множеством факторов, к которым относятся, к примеру, государственное устройство и религия, выбранная в стране в качестве основной. Из всего многообразия текстов представления о морали, действующей в определенном обществе, фиксируются, в первую очередь, в текстах СМИ, поскольку в этих текстах значимые события, произошедшие в стране или в мире, освещаются в определенном оценочном ракурсе. Для того, чтобы аудитория согласилась с точкой зрения автора на произошедшие события, в публицистических текстах используется широкий спектр оценок, базирующихся на представлении об этически допустимом или недопустимом в данном обществе: «транслируя систему взглядов на мир, структурирующие интересы и ценности общества, СМИ формируют особую медийную аксиосферу — условную сферу масс-медийной информации, которая представляет ценностные доминанты общества и осуществляет аксиологическое влияние на реципиентов. Информирова аудиторию о тех или иных событиях, они транслируют и оценивают действительность, тем самым формируют представления о добре и зле, правильном и неправильном» (Кузнецова 2013: 230, также см. Солганик, Клушина 2014, Majkowska, Satkiewicz 1999). Поэтому именно публицистические тексты являются тем материалом, исследование которого позволит вскрыть состояние общественного сознания определенного общественного объединения в определенный период исторического развития.

Однако нормы общественной морали не статичны. Состав этических ценностей, входящих в общественную мораль, неодинаков в разных общественных объединениях. Под влиянием господствующей в обществе идеологии границы норм общественной морали постоянно смещаются, а значит, трансформируются критерии социальной оценочности: «Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки» (Арутюнова 1988: 6). В публицистических текстах это смещение одновременно и задается, и фиксируется, влияя на аудиторию, эти тексты и определяют общественное мнение, и в то же время его отражают. Определить вектор изменений, происходящих в системе этических ценностей, и выявить масштаб этих перемен становится возможным, если при исследовании публицистических текстов учитывать смыслоформирующую функцию контекста (Валентинова 2013, 2015, 2016).

Значение слова всегда формируется только в контексте, поскольку «единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте — в научном, художественном, политическом или ином, — или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах высказывание живо и осмысленно: оно истинно или ложно, красиво или безобразно, искреннее или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и проч., — нейтральных высказываний нет и быть не может» (Бахтин 1975: 44, также см. Grygiel, Kleparski 2007). Однако значимость смыслоформирующей функции контекста учитывается

переводчиками, а иногда и исследователями публицистических текстов не всегда, поскольку интерпретация этих текстов зачастую происходит с опорой не на контекстуальные значения лексем, а на значения, зафиксированные в словарных статьях, что провоцирует искажения в интерпретации публицистических текстов, а впоследствии и в их переводе. Невнимание к смыслоформирующей функции контекста может расцениваться как серьезная методологическая ошибка, поскольку именно «контекст — мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральной номинации. Оценка закладывается не в сему (основное значение) номинации, а в ее словесное окружение. Так, различные идеологические установки современных печатных органов диктуют употребление одних и тех же по значению слов в совершенно противоположных по стилистической окраске контекстах. <...>

Формирование заданной оценки с помощью контекста у исходно нейтрального слова активно используется современными СМИ. Положительное или отрицательное значение у нейтрального слова развивается через формирование у него заданной коннотации при сохранении нейтральной семы. Коннотацию же можно привить любому слову <...>» (Клушина 2008: 108, также см. Клушина 2016, Петрищева 1984, Кечкеш 2014; Иванова, Чанышева 2018). Следовательно, именно смыслоформирующая функция контекста является причиной, по которой понятия, определяемые в словарях как нейтральные, в публицистических текстах получают аксиологическую окраску.

Для подтверждения значимости смыслоформирующей функции контекста при исследовании публицистических текстов обратимся к примерам — современным польским и российским публицистическим текстам. Сравнение контекстуальных значений лексем, имеющих сходные словарные значения в двух родственных языках, проведенное с учетом смыслоформирующей функции контекста, выявит изменения, происходящие в общественном сознании жителей двух разных стран. Описание и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в российской и польской аудиториях, позволят установить вектор дальнейших перемен, которые с большой долей вероятности будут в ближайшее время происходить в общественном сознании носителей данных языков.

2. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОЙ ЛЕКСЕМЫ *САНКЦИЯ* И ПОЛЬСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *SANKSJA* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

И в русском, и в польском языках есть слова, словарные значения которых совпадают. Рассмотрим такие лексемы, как *санкция* в русском и *sankcja* в польском языках. Российские и польские политологические словари (см. [Мустафин 2012; Санжаревский 2010; Wasiluk, Zmarzer 2012]) приводят два совпадающих значения для этих лексем:

- (1) *Мера, применения против стороны, нарушившей соглашение, договор, а также вообще та или иная мера воздействия по отношению к правонарушителю; наказание за преступление, за нарушение законов.*
- (2) *Утверждение чего-нибудь высшей инстанцией, разрешение.*

В словарных дефинициях стилистическая окраска отсутствует, поскольку данная лексическая единица является нейтральной. Следовательно, если опираться только на определение, зафиксированное в словарях, можно сделать вывод, что понимание санкций в общественном сознании русских и поляков является одинаковым, а значит, и отношение к этому понятию у представителей обеих общественных групп должно совпадать.

Однако в контекстуальном употреблении русской *санкции* и польской *sankcji* в современных СМИ обеих стран данная лексема начинает приобретать разные, иногда до противоположности, оценочные характеристики. Это связано с тем, что «особое значение СМИ приобретают в кризисные, переломные эпохи, когда в обществе происходят процессы трансформации/деформации социально важных ценностей, вытеснение общечеловеческих морально-этических доминант на нижние ступени ценностной шкалы. Именно тогда медиа претендуют на роль посредника в поиске ценностных ориентиров. Аудитория, воспринимая масс-медийную информацию, усваивает нравственные нормы и ценностные приоритеты общества, формирует представление о существенных признаках аксиологических доминант, которые влияют на основные модели ее поведения и специфику мировосприятия» (Кузнецова 2013: 233, также см. Волкова, Панченко 2018; Солганик, Клушина 2014, Satkiewicz 2000, Grabias 1994).

Регулярное воспроизведение контекстуальных значений *санкция* и *sankcja* в публицистических текстах выполняет смыслоформирующую функцию, потому что оно закрепляет новое, идеологически заданное восприятие понятия, которое ранее среди членов одного языкового сообщества, русских, воспринималось как нейтральное, что провоцирует ошибочные ассоциации у носителей родственного языка — в данном случае у поляков. В кризисные исторические периоды некоторые слова, напрямую отражающие болевые точки общественного сознания, переосмысливаются и вызывают иные эмоционально-оценочные переживания и образы, что приводит к сдвигу прежних значений, фонды которых выделяются из общего словарного состава (Мельников 1991: 7).

Современные политические санкции направлены непосредственно против России. Поэтому российские источники представляют санкции со стороны «подвергшегося несправедливому наказанию», а значит, в российских СМИ данная лексема начинает приобретать негативные коннотации, зачастую имеющие ярко выраженную аксиологическую окраску:

— ‘санкции влияют на дружеские отношения между странами’ (*Сможет ли Италия дружить с Россией невзирая на санкции* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘мешают сотрудничеству’ (<...> *новое <...> соглашение <...>, которое Москва и Брюссель не могут подписать уже несколько лет <...>* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘это угроза и проявление войны’ (*Любая война рано или поздно кончается миром* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘против России данные меры являются абсурдными’ (<...> *они смогут предоставлять для поставок товаров из Европы в случае ужесточения санкций в отношении России; Об абсурдности санкций говорил и посол РФ* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘России санкциями грозят, они могут быть введены в любое время’ (*В любой момент против России могли бы быть введены дополнительные санкции; России этими санкциями пригрозили* <...> [iz.ru, 30.11.2016]);

— ‘они наносят ущерб’ (*санкции нанесли ущерб российской экономике* [regnum.ru, 30.06.2015]);

— ‘в отношении России санкции поощряют другие страны’ (*США, которые, иницируя и поощряя санкции по отношению к России* [kommersant.ru, 31.07.2016]).

В российских СМИ санкции приобретают негативную окраску не только в отношении России, но и в отношении других стран, например: ‘это запреты’ (*санкции включают запрет на поставку вертолетов* [gazeta.ru, 28.02.2017]); ‘это обвинения’ (*санкции против китайских физических и юридических лиц, <...> обвинив их в сотрудничестве с КНДР* [russian.rt.com, 30.06.2017]); ‘санкции нагнетают военную обстановку’ (*санкции нагнетают военно-политическую обстановку* [russian.rt.com, 30.06.2017]); ‘вызывают возмущение’ (*возмущение властей КНР вызвали санкции* [russian.rt.com, 30.06.2017]).

Следовательно, в российских СМИ *санкция* — это вызывающий возмущение дипломатический фронт против другой страны, экономические меры, запреты, ограничения, давление, конфронтация, пропаганда, фанатизм, шантаж. Санкции бывают жестокими и непредсказуемыми, они наносят ущерб не только правонарушителю, а также обвиняющей стороне.

В текстах польских СМИ, напротив, *sankcje* репрезентируются со стороны «наблюдателя», поскольку они не касаются Польши. В связи с этим в большинстве случаев значение слова *sankcja* будет либо оставаться нейтральным, либо приобретать положительную коннотацию.

Sankcje считаются:

— ‘легальной и эффективной формой ограничений’ (*Санкции — это легально; их можно быстро задержать или <...> расширить <...>, в зависимости от событий* [wyborcza.pl, 22.02.2014] (Здесь и далее перевод наш));

— ‘положительной реакцией’ (*Хорошо, что министры <...> ЕС договорились <...> на продление санкций* [wpolityce.pl, 30.01.2015]);

— ‘предупреждением за эскалацию конфликта’ (*Эскалация конфликта на Украине привела к тому, что руководители ЕС обостряют санкции <...> В <...> заявлении лидеров это предупреждение* [dziennik.pl, 16.07.2014]);

— ‘их необходимо применять’ (*Однако не будет новых санкций <...> и в этом основная проблема* [wpolityce.pl, 30.01.2015]);

— ‘сторона, вводящая санкции, вводит их неохотно’ (<...> *Европа удержалась от санкций* против России <...> *Наиболее неохотно к санкциям относится Германия* [newsweek.pl, 23.07.2014]).

Анализ контекстуального употребления лексемы в польских СМИ доказывает, что *sankcje* — это положительная политическая реакция.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в современных российских публицистических текстах лексема *санкция* не соотносится с положитель-

ными контекстами. Напротив, воспроизводятся и закрепляются отрицательные контексты, соответствующие точке зрения «наказанного». В польских СМИ встречаются как нейтральные, так и положительные контекстуальные значения *sankeji*, утверждающие их эффективность и законность. Сравним (табл. 1).

Таблица 1

Различия контекстуальных значений русской *санкции* и польской *sankeji*

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, что является проявлением войны’, — ‘это фронт’, — ‘это конфронтация’, — ‘то, что угрожает’, — ‘это фанатизм’, — ‘это давление’, — ‘то, что приносит урон, ущерб’, — ‘ими грозят’, — ‘это пропаганда’, — ‘их иницируют’, — ‘это обвинение’, — ‘это запрет’, — ‘то, что против кого-то’, — ‘то, что абсурдно’, — ‘то, что вызывает возмущение’, — ‘они работают в чью-то пользу’, — ‘к ним поощряют других по отношению к кому-то’, — ‘то, что мешает дружеским отношениям и сотрудничеству’, — ‘препятствие экономическим санкциям равносильно финансированию терроризма и отмыванию денег’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘их обостряют’, — ‘ими грозят’, — ‘ими пугают’, — ‘то что болит’, — ‘это удерживание’, — ‘они являются дорогостоящими’, — ‘это резкие ограничения’
положительный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘они делают Россию сильнее’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это легально’, — ‘это хорошо’, — ‘это то, что надо применять’, — ‘они эффективные’, — ‘они действуют’, — ‘их вводят за агрессию и эскалацию конфликта’
нейтральный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, чем наказывают’, — ‘это ограничительные меры’, — ‘на них отвечают аналогичными мерами’, — ‘их вводят и отменяют’, — ‘это разбирательство’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это предупреждение’, — ‘их утверждают единогласно’, — ‘их вводят быстро и на основании’, — ‘это ограничения’, — ‘это черный список’, — ‘это эмбарго’, — ‘это разбирательство’, — ‘их обходят’, — ‘на них не могут решиться’, — ‘их вводят неохотно’, — ‘их хотят отменять’

Проведенный сравнительный анализ доказывает, что в публицистических текстах контекстуальное значение лексем *санкция/sankcja*, зафиксированное в словарях, трансформируется: оно перестает быть нейтральным и под влиянием разошедшихся российских и польских политических взглядов приобретает противоположные значения в двух родственных языках. Количество нейтральных контекстов в русском языке по сравнению с польским резко редуцировано. Следовательно, при изучении публицистических текстов в общественном сознании русских и поляков обнаруживаются значительные расхождения во взглядах на одно и то же политическое явление, трактовка которого ранее совпадала в русском и польском языках, что зафиксировано в словарях.

Учитывая смыслоформирующую функцию контекста, в данном случае — происходящие политические события, можно спрогнозировать, что расхождения в общественном сознании двух народов — носителей родственных языков будут закрепляться и в дальнейшем, что подтверждается данными, полученными в результате проведения ассоциативного эксперимента, основной целью которого являлся охват экстралингвальных факторов, относящихся к системам ценностей русских и поляков, что позволило эффективнее проанализировать дифференциацию значений лексем, учитывая идеологические различия.

Ассоциативный эксперимент проводился в период с 14.02.2018 по 12.03.2018. В исследовании был использован устно-письменный метод — стимул предъявляется в устной форме, реакция записывается. Испытуемым в ответ на слово-стимул в свободной форме было необходимо дать первое пришедшее в голову слово или словосочетание. Экспериментальную выборку составили российские и польские студенты первого и второго курсов по направлению «Филология» и «Лингвистика». Количество студентов в экспериментальной группе составило 85 студентов в России и 85 в Польше.

Выделяем нейтральные, негативные и положительные ассоциации как реакции на стимул *санкции*. Большинство российских участников эксперимента отреагировало нейтральными (*Америка; Россия; сыр; бумаги, ветчина, ограничение, наказание,*) и негативными (*глупость, против, кризис, вред, дезинформация, ерунда, злость, конфликт, ошибка, утешение собственного эго*) реакциями. Среди польских ассоциаций выделяются только нейтральные: *продукты, фрукты, закон, деньги, Европейский Союз; наказание, Россия, сокращение, наказание и преступление, ООН, тюрьма, запрет.*

Для большей наглядности результаты проведенного эксперимента можно представить в виде словарной статьи из ассоциативного словаря (Русский ассоциативный словарь 2002, также см. Orzechowska 2014, 2015, Bartminski 2006, 2012). Структурирование словарных статей в ассоциативном словаре происходит следующим способом: сначала идет стимул, за ним слова-ассоциации, расположенные по мере убывания их частоты, указывающейся в конце ряда одночастотных реакций. Реакции с одинаковой частотой упорядочиваются по алфавитному признаку. В конце каждой словарной статьи приводятся ее *количественные параметры*: первая позиция показывает общее число реакций, вторая — число разных реакций, третья — число отказов от реагирования и четвертая — количество реакций с частотностью.

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

<p>санкция — Америка 17; Россия 8; запрет 7; ограничение 5; сыр 5; глупость; Евросоюз; против России; Украина 3; законы; кризис; налоги 2; бумаги, ветчина, вред, временно, дезинформация, ерунда, запрет на ввоз, злость, импортозамещение, конфликт, лишения, наказание, НАТО, нововведение, отмена, ошибка, политика, Порошенко, против, Путин, святость, утешение собственного эго, эмбарго 1; 85 + 39 + 1 + 27</p>	<p>sankcja — kara 4 (наказание); Rosja (Россия) 8; Unia Europejska (Европейский Союз) 7; ONZ (ООН) 6; cięcie (сокращение), kara i zbrodnia (наказание и преступление), owoce (фрукты), pieniądze (деньги), prawo (закон), produkty (продукты), Putin (Путин), więzienie (тюрьма), zakaz (запрет) 1; 85 + 36 + 5 + 7</p>
---	--

В большинстве случаев ответы российских и польских участников эксперимента определяют нейтральное отношение к санкциям. Однако у польских участников все ассоциации являются нейтральными — они не имеют негативной окраски. У российских участников негативные ассоциации составляют 33% — треть от всех представленных ответов.

3. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ АРАБСКАЯ ВЕСНА И ПОЛЬСКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ ARABSKA WIOSNA В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Контекст в российских СМИ для *арабская весна*, в большинстве случаев, окрашен негативной стилистической окраской:

арабская весна:

- ‘это катастрофа’,
- ‘это обрушение светских режимов’,
- ‘это кровавые конфликты’,
- ‘это очаг терроризма’,
- ‘это религиозный экстремизм’:

(1) *Еще за годы до так называемой «арабской весны» Евгений Максимович предупреждал, какой катастрофой может обернуться обрушение светских режимов в ближневосточных странах. <...> К сожалению, Ближний Восток оказался ввергнут в череду кровавых конфликтов, превратился в очаг терроризма и религиозного экстремизма <.....> [www.1tv.ru, 30.11.2016].*

- ‘это устроенные революции’,
- ‘то, что осуществляет чужие интересы (чтобы привести своих людей к власти)’,
- ‘это нашествие’,
- ‘это спланированное свержение правительства’,
- ‘это освобождение от неугодных людей’,
- соположение с Майданом на Украине, «оранжевыми революциями», «квазиреволюциями»:

(2) *Глава США <...> признал незаконного временного президента <...> Все это явно спланировано Америкой, чтобы привести своих людей к власти.*

<...> американцы по всей планете устраивают революции, освобождаются от неудобных им людей <...>. Это очередное нашествие на нашу страну <...>. [regnum.ru, 27.02.2014].

- (3) Гросс <...> работал субподрядчиком Агентства США <...>. Власти Кубы обвинили его в том, что он **готовил свержение правительства**, пытаясь **организовать революцию** наподобие «арабской весны» [www.svoboda.org, 17.12.14].
- (4) Спустя 25 лет о тех событиях вспоминают часто, сравнивая их и с «арабской весной», и с **майданом на Украине** [rg.ru, 16.12.2014].
- (5) Политологи неустанно вводят и затем классифицируют дефиниции нового явления — «**оранжевые революции**», «арабские весны», «**квазиреволюции**» <...> [regnum.ru, 28.02.2014].

— ‘то, что развивает преступления’,

— ‘это нестабильность в стране’,

— ‘это вооруженные конфликты’:

- (6) <...> по данным аналитиков, **преступления** подобного рода были нечастыми, но после «арабской весны» <...> и **нестабильности в стране** было принято решение о <...> санкциях <...> [rg.ru, 16.07.2014].
- (7) В исследовании учитываются такие факторы, как уровень **преступности**, количество **вооруженных конфликтов** <...>. Индекс рассчитывается уже в девятый раз, особенную роль он приобрел после событий «арабской весны» [kommersant.ru, 23.07.2015].

Контекстуальный анализ российских текстов СМИ доказал, что в большинстве случаев арабская весна носит негативную стилистическую окраску.

Сравним с контекстуальным анализом определения значения польского *arabska wiosna*.

В текстах польских СМИ для *arabska wiosna*, кроме негативных стилистических окрасок, встречаются положительные:

arabska wiosna:

— ‘то, что удалось’,

— ‘это демократические преобразования’,

— «слава Арабской Весне»,

— ‘ее поддерживает гражданское общество’,

— ‘это борьба за свою субъективность’:

- (8) <...> особенно Арабская Весна **удалась** в Тунисе, где **демократические преобразования поддержало гражданское общество**.
- (9) **Слава Арабской Весне** — так министр иностранных дел <...> прокомментировал вручение Нобелевской Премии Квартету национального диалога <...>.
- (10) Никто этого не ожидал. Это, скорее, **честь Арабской Весны** и всем, которые так драматически **боролись за свою субъективность** <...> [polskieradio.pl, 09.10.2015] (Здесь и далее перевод наш);

— ‘это положительное развитие событий’,

- (11) Тунис является <...> примером **положительного развития событий**, вызванных **революцией** [gp.pl, 13.03.2016];

— ‘это успешная трансформация’:

(12) *Несмотря на Сирию, и Ливию, арабская демократия — это не оксюморон: Тунис является примером успешной системной трансформации, являющейся результатом Арабской Весны* [politykaglobalna.pl, 23.02.2015];

— ‘это надежда на мир и демократию — ценность для всех, а не только для западного мира’,

— ‘это эйфория’:

(13) *Четыре года назад по Северной Африке прокатилась Арабская Весна. Весь мир верил, в то что это начало мира и демократизации в регионе <...> Перемены <...> начались в атмосфере великой эйфории. Большинство наблюдателей были уверены, что демократизация мусульманских стран возможна <...> Это давало нам такое убеждение, что демократия является ценностью для всех, а не только для западного мира* [wiadomosci.onet.pl, 27.05.15].

Сравним российский и польский контекст, выведенные из текстов СМИ (табл. 3).

Таблица 3

Контекстуальные значения лексемы арабская весна / arabska wiosna в текстах российских и польских СМИ

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘это плохо’, — ‘это катастрофа’, — ‘это обрушение светских режимов’, — ‘это религиозный экстремизм’, — ‘это очаг терроризма’, — ‘это кровавые конфликты’, — ‘это вооруженные конфликты’, — ‘то что спланировано’, — ‘она продолжается’, — ‘это устроенные революции’, — ‘это нашествие’, — ‘осуществляет чужие интересы’ (чтобы привести своих людей к власти), — ‘это освобождение от неугодных людей’, — ‘останавливает развитие’, — ‘это нестабильность в стране’, — ‘это спланированное свержение правительства’, — ‘развивает преступность’, — ‘это протесты на религиозной почве’, — ‘это протесты с целью ограничения власти’, — ‘это возвращение к военной диктатуре’, — ‘это череды революций, изменившие политическое лицо региона’, — ‘то что разрывает отношения’, — ‘это дезинформация’, — соположение с майданом на Украине, «оранжевыми революциями», «квазиреволюциями» 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘привела к разрушению страны’, — ‘это мятеж’, — ‘это война’, — ‘это конфликт’, — ‘это дезинтеграция’, — ‘это мятеж, бунт, революции, массовые протесты’, — ‘это не ассоциируется хорошо’, — ‘то, что проявляет террор’, — ‘это игра между свитой’, — ‘то что спланировано внешними силами’

Окончание таблицы 3

Российские	Польские
положительный контекст:	
	— ‘то, что удалось’, — ‘это благотворно’, — ‘это эйфория’, — ‘слава Арабской Весне’, — ‘это успешная трансформация’, — ‘это положительное развитие событий’, — ‘то, что свергает диктатора’; ‘то, что свергло автократов’ («свергла железную хватку диктатора»), — ‘это демократические преобразования под-держаны гражданским обществом’, — ‘это борьба за свою субъективность’: — ‘по ее итогам прошли демократические выборы’, — ‘она доказала, что мусульманская культура совместима с демократией’, — ‘благодаря этому удастся создать уникальное правительство’, — ‘это надежда на мир и демокрацию’, — ‘ценность для всех, а не только для западного мира’
нейтральный контекст:	
— ‘это демократические амбиции’, — ‘это концепция глобальной демократизации’	— ‘неиспользованная обществом возможность поменять модель управления’

Анализ контекста доказывает расхождения значений в обоих языках. В российских текстах для словосочетания *арабская весна* положительный контекст не указывается. Большинство — это негативные окраски. В польских СМИ встречаются как отрицательные, так и положительные характеристики. Нейтральный контекст в российских и польских текстах практически не встречается.

В результате проведения ассоциативного эксперимента было установлено, что большинство российских и польских ассоциаций является либо нейтральными (например: *араб*; *арабская ночь*; *хиджаб*; *gorąco* (жарко); *pora roku* (времена года)); либо негативными (*война*; *борьба*, *терроризм*, *конфликт*, *кризис*, *кровь*; *konflikt* (конфликт)) реакциями. В обоих языках встречаются также положительные характеристики (*солнце*, *теплый*, *Алладин*, *арабская ночь мой дивный восток*, *арабская ночь*, *золотое солнце*, *оттепель*, *пальмы*, *песок*, *традиция*, *ciepło* (тепло), *wschodnie tradycje* (восточные традиции)).

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

арабская весна — *араб* 8; *арабская ночь* 7; *хиджаб* 3; **война**, *Дубай*, *кальян*, *кофе*, *новости*, *революция*, *теплый*, *шахиды*, *2011 год*, *Алладин*, **борьба**, *восток*, *Дамаск*, *Египет*, *жара*, *золотое солнце*, *история*, *ковер*, **конфликт**, **кризис**, **кровь**, *Ливия*, *народ*, *Омар Хайям*, *оттепель*, *пальмы*, *песок*, *Сахара*, *страх*, **терроризм** 1; 85 + 47 + 16 + 34

arabska wiosna — *gorąco* (жарко); **konflikt** (конфликт); *pora roku* (времена года) 3; *arabia* (аравия), *arabskie litery* (арабские буквы), *ciepło* (тепло), *fala protestów* (волна протестов) *frazeologizm* (фразеологизм), *Porok*, *rewolucja* (революция), *wschodnie tradycje* (восточные традиции) 1; 85 + 36 + 8 + 32

И российские и польские СМИ *арабскую весну* охарактеризовывают с точки зрения наблюдателя. В российских источниках этот термин охарактеризован только отрицательными значениями — это революции, превратившиеся в вооруженные конфликты; концепция глобальной демократизации, символизирующая освобождение от диктаторских режимов; увеличение преступности, конфликтов на религиозной почве и терроризма. С *арабской весной* сравниваются события на Украине, Майдан, цветные революции.

В польском, кроме отрицательных, указываются положительные факты для описания данной лексической единицы — это массовые протесты против диктаторских режимов; надежда на мир и демократизацию; в некоторых странах успешная система трансформации.

Основываясь на результатах проведенного ассоциативного эксперимента со словосочетанием *арабская весна* (*arabska wiosna*), можно утверждать, что общественное сознание российского народа более политизировано, чем польского.

4. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ* И ПОЛЬСКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ROMAŃCZOWA REWOLUCJA* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В российских текстах СМИ наблюдаем только негативный контекст для словосочетания *оранжевая революция*:

- ‘это таран’,
- ‘это военная переподготовка’,
- ‘это осуществляют внешние силы’,
- ‘это нестабильность’,
- ‘соположение с финансированием террористов’,
- ‘то, что спровоцировано’:

(1) Для России уже был создан украинский **таран**, военную **переподготовку** которого сейчас **осуществляют специалисты США**. Однако потенциал этого **тарана нестабильности**, как показал опыт, невелик: можно ожидать дальнейшего усиления опосредованного **финансирования террористов** <...> через арабские страны и, естественно, **новых проектов оранжевых революций** в странах-тяжеловесах — России и Китае [vz.ru, 15.10.2015].

(2) События 1973 года, по сути, — та же самая «оранжевая революция», открыто **поддержанная США**, которые **спровоцировали** экономический кризис в Чили <...> [svpressa.ru, 28.12.2014];

- ‘это путч’,
- ‘это худшее, трагическое событие’,
- ‘это имеет губительные последствия для страны и народа’,
- соположение с событиями августа 1991:

(3) Очень молодая у нас нация — история ее не столько учит, сколько «**путчит**»: худшими событиями являются «оранжевые революции», а противостояние **путчистам** в 1991 г. и есть «оранжевая революция». Потому <...> оценивают август-1991 как «**трагическое событие, имевшее губительные последствия для страны и народа**» [vedomosti.ru, 17.08.2016];

— ‘то, что направляет страну к авторитарному коррупционному режиму’:

- (4) *В ближайшее время может решиться, продолжит ли страна идти по пути интеграции с ЕС или повторится судьба «оранжевой революции» 2004 г., после которой она вернулась к авторитарному коррупционному режиму* [vedomosti.ru, 14.03.2016].

Напротив, анализ контекста и определение значения польского *pomarańczowa rewolucja* доказывает, что польский контекст не имеет негативной окраски: в большинстве случаев для *pomarańczowa rewolucja* указаны положительные значения.

Оранжевая революция:

— ‘это успех, хорошо повлиявший на другие страны’:

- (5) *Оранжевый успех <...> нельзя не упомянуть оранжевой революции на Украине, которая <...> была для нас переломным успехом* [wiadomosci.wp.pl, 04.06.2014];

— ‘это стремление к свободе’:

- (6) *Оранжевая революция — Украина смотрит в сторону свободы* [polskieradio.pl, 21.11.2014];

— ‘то, что объединяет’:

- (7) *Более благоприятным для польско-украинского объединения были визит Иоанна Павла II на Украину и оранжевая революция* [wiadomosci.onet.pl, 03.03.2015].

Сравним российский и польский контекст выведенный из текстов СМИ (табл. 4).

Таблица 4

Контекстуальные значения лексемы оранжевая революция / pomarańczowa rewolucja в текстах российских и польских СМИ

Российские	Польские
негативный контекст:	
— ‘это таран’, — ‘это путч’, — ‘это худшее, трагическое событие’, — ‘это угроза’, — ‘это обольванивание’, — ‘это преследование’, — ‘это военная переподготовка’, — ‘то, что отторгает территорию’, — ‘то, что финансируется из-за рубежа’, — ‘это смена власти, через внешнее влияние’, — ‘то, что спровоцировано’, — ‘это неоднократно разыгранный сценарий’, — ‘это нестабильность’, — ‘этого надо недопускать’, — ‘это имеет губительные последствия для страны и народа’,	— это бунт’, — за это вводят военное положение’, — за это грозят применением силы’

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, что ухудшает отношения между странами’, — ‘то, что направляет страну к авторитарному коррупционному режиму’, — ‘то, что приводит к власти прозападные, пронаатовские группировки’, — ‘это несанкционированные акции’, — ‘это порыв к бунту’, — имеет отношение к финансированию террористов 	
положительный контекст:	
	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это митинги в поддержку повторного голосования’, — ‘то, что поддерживают другие страны’, — ‘это поддерживают военные и милиционеры’, — ‘это протест против фальсификации выборов’, — ‘это успех хорошо повлиявший на другие страны’, — ‘это стремление к свободе’, — ‘это прозападные амбиции’, — ‘этому способствует фальсификация выборов’, — ‘то, что объединяет’
нейтральный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, в чем принимают участие оппозиционеры’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это гражданское неповиновение’, — ‘за этим стоит оппозиция’, — ‘за участие в этом наказывают’, — ‘некоторые предпочитают, что организовали ее внешние силы’, — ‘это упущенные возможности на изменения’

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что контекстуальные значения словосочетаний *оранжевая революция* и *pomarańczowa rewolucja* в русском и польском языках полностью разошлись. В российских текстах указываются только отрицательные значения, в польских — большинство значений, напротив, являются положительными.

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

оранжевая революция — Украина 10; апельсины 9; девяностые 3; история 2; опасность 2; смерть 2; Тимошенко 2; цвет 2; Ющенко 2; борьба, бред, ветка, власть, война, завозной апельсин, зачем, зло, Киев, красная революция, кровь, огонь, оппозиция, переворот, перемены, политика, режим, реформы, событие, страх, стройка, хаос, Янукович, ярость 1; 85 + 43 + 20 + 34

pomarańczowa rewolucja — Ukraina (Украина) 2; pomarańcze (апельсины), pomarańczowy (оранжевый), polityka (политика), historia (история), sok pomarańczowy (апельсиновый сок), czerwone oczy (красные глаза), zapach i smak (запах и вкус) 1; 85 + 38 + 15 + 24

Как видно из сопоставления, польские ассоциации являются только нейтральными (*Украина 2; апельсины, политика, история, апельсиновый сок, красные глаза, запах и вкус*). Среди российских ассоциаций кроме нейтральных (*Украина 10; апельсины 9; девяностые 3; история 2; Тимошенко 2; цвет 2; Ющенко 2; апельсиновый сок, Африка, бокс, ветка, власть, великая французская революция, завозной апельсин, Киев, красная революция, красная, Ленин, огонь, оппозиция, оранжевая ленточка, перемены, площадь революции, политика, реформы, событие, стройка, тюльпаны, хиппи, Янукович, ярость*) можно отметить и негативные (*опасность 2; смерть 2; борьба, бред, война, зло, кровь, режим, страх, хаос, переворот*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования удалось доказать, что поставленная цель подтвердилась: изучение и перевод публицистических текстов необходимо проводить только с учетом смыслоформирующей функции контекста. Такой подход к исследованию методологически обоснован, поскольку именно он позволяет выявить происходящие в общественном сознании трансформации, которые находят свое отражение, в первую очередь, в публицистических текстах, а только потом, через значительный промежуток времени, могут быть зафиксированы в лексикографическом описании. Все вышесказанное дает право оценивать публицистический стиль как стиль прогностичный, позволяющий определить вектор трансформаций, которые закрепляются в общественном сознании.

Полученный вывод подтверждается результатами проведенного ассоциативного эксперимента: учитывая разошедшиеся российские и польские политические взгляды, в обоих языках наблюдаются разрушение системы обозначений для современной политической лексики. Несовпадение коннотаций в современном польском и русском медиадискурсе, которое не наблюдалось до середины 80-х гг. прошлого века, объясняется, в первую очередь, тем, что польский медиадискурс является частью западного медиадискурса, в котором циркулируют противоположные российскому медиадискурсу идеологемы и интерпретации. Следовательно, установить верную трактовку отдельных дефиниций в современных публицистических текстах становится возможным, только если учитывать смыслоформирующую функцию контекста, поскольку опора на значения, зафиксированные в словарях, может привести к значительным искажениям в понимании текста или при переводе этих текстов на иностранный язык.

© Е.С. Козловская, Я. Кобылко, Е.Ю. Медведев, 2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность коллективу рецензентов журнала, которые внесли очень много труда в эту работу.

ACKNOWLEDGEMENTS

We express our gratitude to the team of reviewers of the journal, who contributed a lot to this paper.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука, 1988. 341 с. [Arutyunova, N.D. (1988) *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. [Bahtin, M.M. (1975) *Questions of literature and aesthetics. Research of different years*. Moscow: Hudozhtcnvennaya literatura. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Форма и содержание: нарушение автоматизма связей. *Лингвистика XXI века*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 87—93. [Valentinova, O.I. (2013) Form and content: violation of the automatism of relations. *Linguistics of the XXI*, 87—93. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Смыслоформирующий контекст как основа достоверного понимания. *Языковая системология: К 85-летию профессора Г.П. Мельникова: сборник статей*. М.: РУДН, 2013. С. 20—26. [Valentinova, O.I. (2013) Context as a basis for reliable understanding. Moscow: RUDN, 20—26. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Словарь контекстов как необходимый элемент современной лингвистической экспертизы: противоречия словарного значения и регулярно возобновляемых контекстуальных значений // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семиотика*. 2013, № 2. С. 116—123. [Valentinova, O.I. (2013) Dictionary of contexts as a necessary element of modern linguistic expertise: contradictions of dictionary meaning and regularly renewed contextual meanings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 116—123. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Обоснование причинной типологии текстов. Постановка проблемы и пути ее решения // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015, № 2. С. 29—35. [Valentinova, O.I. (2015) Justification of causal typology of texts. Statement of the problem and its solutions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 29—35. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 109—118. [Valentinova, O.I. (2016) Archetypal features of the medieval theological text and their transformation. *Russian Journal of Cognitive linguistics*, 3, 109—118. (In Russ.)]
- Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. *Системный взгляд как основа филологической мысли*. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с. [Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrezhansky, S.Yu., Rybakov, M.A. (2016) *System view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatelsky dom YaSK. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 22. № 1. 2018. С. 175—194. [Volkova, Y.A., Panchenko, N.N. Discursive variability of concepts of destructive emotions. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 175—194. (In Russ.)]
- Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума на примере политического дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 4. С. 821—843 [Ivanova, S.V., Chanysheva Z.Z. (2018) The word in the context of cultural and historical universum on the example of political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 821—843. (In Russ.)]
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 7—18. [Kecskes, Istvan (2014) Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—18. (In Russ.)]
- Клушина Н.И. *Стилистика публицистического текста*. М.: Медиа-мир, 2008. 204 с. [Klushyna, N.I. (2008) *The style of the media text*. Moscow: Media-mir. (In Russ.)]

- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 4. С. 78—90. [Klushyna, N.I. (2016) Discourse analysis and style: integrative methods of media communication research. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 78—90. (In Russ.)]
- Кузнецова Т.В. К вопросу об аксиологической миссии современных масс-медиа // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26—27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. 507 с. [Kuznetsova, T.V. (2013) On the axiological mission of modern mass media. Moscow: Izdatelstvo APK and PPRO. (In Russ.)]
- Мельников Г.П. *Основы терминоведения*. М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1991. 116 с. [Melnikov, G.P. (1991) The basics of terminology. Moscow: RUDN (In Russ.)]
- Петрищева Е.Ф. *Стилистически окрашенная лексика русского языка*. М.: Наука, 1984. 222 с. [Petrushheva, E.F. (1984) Stylistically vocabulary of the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // *Политическая лингвистика*. 2012. № 3 (41). С. 36—42. [Skovorodnikov, A.P., Koptina, G.A. (2012) Methods of manipulative speech influence in the Russian press. *Political linguistics*, 3, 36—42. (In Russ.)]
- Сковородников А.П. *Экология русского языка: монография*. Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2016. 388. [Skovorodnikov, A.P. (2016) Ecology of the Russian language: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University (In Russ.)]
- Солганик Г.Я., Клушина Н.И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)*, 2014. С. 499—501. [Solganik, G.Ya., Klushyna, N.I. (2014) Journalistic style, or newspaper and journalistic style, or style of mass communication, 499—501 (In Russ.)]
- Bartminski, J. (2006). *Jezykowe wyznaczniki tozsamosci w swietle badan ankietowych, recenzja ksiazki Vladislavy Zdanovej. Etnolingistyka* 22, 222—225.
- Bartmiński, J. (2012). *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin, 47.
- Grabias, S. (1994). *Język w zachowaniach społecznych*. Lublin, 156.
- Grygiel, M., Kleparski, G. (2007). *Main Trends in Historical Semantics*. Rzeszów: Wydawnictwo UR, 358.
- Klymanska, L., Klimanska, M., Herasym, H. (2015). Evaluation of the past as a risk and opportunity in the social development. *Society under construction — opportunities and risks*. Bielsko-Biała, 71—88.
- Laskowska, E. (2004). *Dyskurs parlamentarny w ujęciu komunikacyjnym*. Bydgoszcz, 633.
- Majkowska, G., Satkiewicz, H. (1999). *Język w mediach. Orędzie o stanie języka na przelomie tysiącleci*. Kraków, 181—196.
- Orzechowska, J. (2014). Rola i struktura komentarza lingwokulturologicznego. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, nr 2 (7).
- Orzechowska, J. (2015). Słownik asocjacyjny jako narzędzie przygotowania komentarza lingwokulturologicznego. *Olsztyn: Acta Polono-Ruthenica* 20, 229—236.
- Satkiewicz, H. (2000). *Językowe przejawy agresji w mediach. Język w mediach masowych*. Warszawa, 28—33.

Словари

- Мустафин А.А. *Политология: словарь современных терминов и выражений*. Ангарск: АГТА, 2012. 168 с.
- Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец. Ростов н/Д: Феникс; Москва: Зевс, 1997.
- Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд. Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
- Политологический словарь / сост. Р.Г. Григорян, А.А. Когтева, Т.А. Малыгина, В.Г. Смольков, В. Ф. Халипов. Киев: Инно-Центр, 1991. 260 с.
- Русский ассоциативный словарь. Т. I: Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. От стимула к реакции. М.: АСТ, 2002. 781 с.
- Санжаревский И.И. *Политическая наука: Словарь-справочник*. М.: Политология, РГУ, 2010. 745 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
- Bartoszewicz, J. (1923). *Podręczny słownik polityczny: do użytku posłów, urzędników państwowych, członków ciał samorządowych i wyborców*. Warszawa: Księgarnia Perzyński, Niklewicz i S-ka. 832.
- Kurecz, I., Lewicki, A.M., Sambor, J., Szafran, K., Woróńczak, J. (1990). *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*. Kraków. 633.
- Wasiutyński, W. (1980). *Słownik polityczny*. Nowy Jork: Inst. Romana Dmowskiego.
- Wasiluk, J., Zmarzer, W. (2011). *Rosyjsko-polski słownik terminologii politycznej*. Warszawa: Zakład Graficzny UW, 340.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 октября 2018

Дата принятия к печати: 17 декабря 2018

Article history:

Received: 19 October 2018

Revised: 06 December 2018

Accepted: 17 December 2018

Для цитирования:

Козловская Е.С., Кобылко Ярослав, Медведев Е.Ю. Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 165—184. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184.

For citation:

Kozlovskaya, Ekaterina, Kobyлко, Jaroslaw, Medvedev, Yevgeniy (2019). Sense-Forming Function of Context in Publicistic Texts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 165—184. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184.

Сведения об авторах:

ЕКАТЕРИНА СТАНИСЛАВОВНА КОЗЛОВСКАЯ, старший преподаватель кафедры русского языка № 4 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера научных интересов: лингвистическое моделирование, филологическая герменевтика, системный подход к исследованию текстов.

Контактная информация: e-mail: elaguaverde@yandex.ru

ЯРОСЛАВ КОБЫЛКО, Варшавский университет (Польша, Варшава), приглашенный преподаватель, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера научных интересов: сопоставительное языкознание, терминоведение, семантика, системная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: jaroslaw.kobylko@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ, доцент кафедры языков Международного университета информационных технологий (Казахстан, Алматы); кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: лингвистическая семантика, филологическая герменевтика.

Контактная информация: e-mail: eugene_medvedev@mail.ru

Bionotes:

EKATERINA KOZLOVSKAYA, Assistant Professor at the Russian language Department № 4, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow).

Contact information: e-mail: elaguaverde@yandex.ru

JAROSLAW KOBYLKO, University of Warsaw (Poland, Warsaw), invited teacher, the Russian language Department № 2, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow).

Contact information: e-mail: jaroslaw.kobylko@yandex.ru

YEVGENIY MEDVEDEV, Ph.D., Assistant Professor at the Languages Department, International Information Technology University (Kazakhstan, Almaty).

Contact information: e-mail: eugene_medvedev@mail.ru